

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Потрошитель
человеческих
душ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Потрошитель
человеческих душ
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6246143

Потрошитель человеческих душ : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66977-6

Аннотация

В Москве ежедневно гибнут десятки людей: на производстве, под колесами автомобилей, от рук преступников и еще бог знает от чего. Поэтому когда в течение нескольких дней в результате несчастных случаев лишились жизни три незнакомых друг с другом человека, никто не заподозрил ничего неладного. И только полковнику Льву Гурову эти смерти не давали покоя. Он прочитал о них случайно, в ежедневной сводке происшествий, – и лишился сна. Почему? Изучив протоколы осмотров, Гуров обнаружил весьма примечательную деталь: около всех погибших был найден женский носовой платок со следами крови...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Потрошитель
человеческих душ**

© Леонова О. М., 2013

© Макеев А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Черная «Ауди»-«семерка» лихо шла со стороны Рязани, со скоростью, явно превышающей сто километров в час. Не притормаживая, она вышла на разделительную полосу и начала обгонять колонну иногородних фур. Встречные машины жались к обочине, отчаянно сигналили, мигали светом фар, но водителя иномарки, казалось, абсолютно не волновала создаваемая им аварийная ситуация. Сбавив наконец скорость и свернув с трассы к Турлатово, «Ауди» взвизгнула резиной и снова понеслась в сторону аэропорта.

Рейс из Уфы прибыл без опозданий. Когда пассажиры потянулись через терминал, навстречу им из зала ожидания вырвалась ликующая толпа, потрясающая флагами, самодельными транспарантами и букетами цветов. Встречали какую-то спортивную делегацию, но одному молодому человеку явно было не до спортсменов. Высокий, смуглый, с темными волнистыми волосами, он напоминал голливудского актера своей манерой стоять, поворачивать голову. Позер, бабник и наверняка имеет много денег, которые нажиты не совсем праведным путем, – это первое, что приходило в голову женщинам, чье внимание он невольно привлекал.

– Равиль! – призывно поднял руку молодой человек и поспешил к толпе пассажиров.

Невысокий мужчина с большим кейсом в руке махнул в

ответ и задрал на лоб темные очки. Они встретились у высокого окна, выходящего на площадь с цветниками, обнялись, символично прижавшись сначала одной щекой друг к другу, потом второй.

– Ну как долетел? – поинтересовался молодой человек.

– Никогда не думал, что спортсмены столько пьют, – усмехнулся Равиль.

Разговор пошел о самолетах, аэропортах, сервисе и комфорте пассажиров. Спустя несколько минут черная «Ауди» вырулила со стоянки и понеслась в сторону Рязанской трассы.

– Ну, что ты мне скажешь насчет сроков, Мирон? – наконец перешел к какому-то делу Равиль, облокотившись рукой о спинку сиденья. – Время сейчас очень подходящее, очень подходящее, чтобы сделать вброс на рынок.

– Я сказал! – с уверенной ухмылкой заявил Мирон. – Сейчас ты увидишь мои сказочные сады.

– В смысле? – насторожился Равиль. – Ты что, выращиваешь все под открытым небом?

– Ну-ну-ну! – рассмеялся Мирон. – Семена элитные, условия требуются идеальные, иначе декларируемого урожая не дождешься. А я в теплицы знаешь сколько бабла втюхал!

– Теплицы?

– Конечно. У меня тепличное хозяйство. Парочка для огурцов, парочка для помидор, а остальные несут «золотые яблочки».

– Ну ты даешь, – недоверчиво, но все же как-то одобрительно покачал головой Равиль. – И что? Получается?

– Не то слово. Совершенно другой эффект! И гарантия от природных катаклизмов, от глобального потепления, как сейчас говорят. Если хочешь, то и от конца света.

Молодые люди довольно засмеялись. Мирон оторвал правую руку от руля и похлопал по приборной панели:

– А вот этот агрегат я взял весной. Как тебе гарантия успеха нашего предприятия?

– Ты не зарывайся давай! – осадил Мирона Равиль. – Засветишься раньше времени со своими доходами – наживешь беды.

– Да ладно, – махнул рукой Мирон и пропел буквально: – У меня все схвачено и вовремя проплачено! Участковый вовремя получает пакетики со свежими овощами, премиальный фонд ему обеспечен, а больше к нам никто не суется...

– Пошли, Лев Иванович! – Крячко озабоченно посмотрел на настенные часы, потом на Гурова, который яростно стучал пальцами по клавиатуре компьютера.

Их рабочий кабинет выходил окном на восток, поэтому в начале рабочего дня в помещении всегда было солнечно. Гурову это очень нравилось, и обычно по утрам он находился в благодушном настроении, усаживаясь в кресле, чтобы видеть красноватый диск солнца, встающий над многоэтажками на Большой Якиманке. Крячко давно замечал за Львом

Ивановичем это утреннее настроение: иронично-благодарное, с потребностью пофилософствовать. Было ощущение, что утро Гуров любил, любил как-то по-своему, и, несмотря на возраст и значительный стаж работы в уголовном розыске, все еще верил, что предстоящий день может принести нечто новое, интересное, позитивное.

Сам Крячко не особенно верил в жизненный позитив, хотя по натуре был большим оптимистом, чем его начальник. Не унывать, верить, что и это пройдет, что пробьемся, перебором и переживем. У Гурова же характер был сложнее. То ли эмоций добавляла жизнь с Марией Строевой, известной театральной актрисой, то ли это его врожденная черта. Он мог неожиданно замкнуться, стать молчуном, вынашивая какую-то очередную идею или разрешая сложную оперативную задачу, мог быть язвительным, даже занудливым, остро переживая какую-то неудачу. Но чего у полковника Гурова не отнять, так это то, что он в любом состоянии и в любом настроении был верным другом и умным матерым опером. Его работоспособность ни в коем случае не зависела от настроения.

Сегодня Гуров заявился на работу в половине восьмого, буркнул приветствие Крячко, проигнорировал необычно теплое и ласковое июньское солнце над крышами домов и сразу засел за компьютер. Он хмуро бросал взгляды на набираемый текст, на клавиатуру, откидывался на спинку кресла и смотрел в потолок, покусывая нижнюю губу.

– Лев Иванович, – во второй уже раз позвал Крячко от двери, – пошли, а то нарвешься. Орлов сегодня не в духе.

– Иди, иди, Стас, – махнул рукой Лев. – Я сейчас.

Крячко улыбнулся, пожал широкими плечами и вышел. В приемной генерала Орлова толпились офицеры в ожидании начала планерки. Когда их позвали, офицеры с шумом зашли в кабинет и стали рассаживаться по своим раз и навсегда заведенным местам за длинным столом. Орлов смотрел из-под бровей и барабанил пальцами по крышке стола. Наконец в кабинете воцарилась некая выжидательная тишина. Орлов задумчиво смотрел на пустое кресло, где недоставало Гурова, и молчал. Наконец он как бы очнулся и вопросительно глянул на Крячко. Тот улыбнулся извиняющейся улыбкой и кивнул. Мол, бежит Лев Иванович, уже бежит.

Гуров ворвался в кабинет, хлопнув дверью, бросил дежурные слова «разрешите» и «виноват» и прошел на свое место, поглаживая несколько листов бумаги с отпечатанным на принтере текстом и какими-то графиками и таблицами.

Начиналась утренняя планерка в Главном управлении уголовного розыска МВД. В силу своей специфики Главк не просто отвечал за работу территориальных органов по всей стране, не просто обязан был оказывать организационно-методическую помощь подразделениям. Главк в полной мере должен был курировать и непосредственно участвовать в оперативной работе. Особенно, когда это касалось особо тяжких преступлений, серийных преступлений, розыска

различного рода маньяков, преступлений против представителей органов власти и многого-многого другого. Главк – это рука на пульсе криминальной ситуации в стране, это мозг и центральная нервная система.

И, как обычно, планерка начиналась со сводки за прошедшие сутки. Столько-то совершено по категориям и по регионам, столько-то раскрыто по горячим следам, что отмечалось положительно в плане организации взаимодействия структурных подразделений, а столько-то по агентурным данным, что поощрялось особо, как личная заслуга оперативного состава. Отдельно анализировалась информация по выявленным, разобщенным и ликвидированным ОПГ, а также ситуация в Москве и Московской области.

Орлов заметил настроение своего старого друга и лучшего сотрудника Главка. Он посматривал на Гурова, видел, как тот скептически усмехается в ответ на некоторые сообщения, иногда хмурится и качает головой. Что-то в этой голове сегодня было. Новое и важное. Орлов хорошо знал Гурова еще по совместной работе в МУРе. Не сразу тогда поладили молодой капитан Гуров и подполковник Орлов. А потом их отношения переросли в дружбу, которая длилась вот уже много-много лет, даже теперь, когда Орлов стал генералом и перетащил Гурова и Крячко к себе в Главк.

Это был полезный тандем: Гуров и Крячко. Два полковника дополняли друг друга, стимулировали друг друга, создавали атмосферу творчества, плодотворного анализа, незау-

рядной энергии. Станислав Крячко давно и сразу принял лидерство Гурова как должное и как естественное. Ему нравилось работать с Гуровым, нравилась сама работа, и он понимал свою незаменимость в этом тандеме.

Гуров был мозгом, генератором идей, ходячей аналитической лабораторией, Крячко же – настоящий опер, по-мужицки хитрый, кряжистый, хваткий в прямом и переносном смысле. Ходячая кладезь оперативного опыта и оперативной информации. Он помнил все и всех. Был вхож в любой кабинет, и не только своего министерства. Мог черта лысого достать и склонить в кратчайшие сроки к сотрудничеству. И при этом был незаменимым талантливым помощником, вторым человеком, но с какой огромной буквы!

Наконец Орлов не выдержал гуровской пантомимы и заинтересовался:

– У Льва Ивановича особое мнение? Я так понимаю, что касательно наркоканалов?

– Так точно, – пробурчал Гуров, не поднимая глаз. – Если позволите, я могу доложить, пока мы не ушли далеко от темы.

– Слушаем вас, – кивнул Орлов.

– За последние месяцы сводки по слабым наркотикам весьма однообразны. Ни для кого из присутствующих не секрет, что девяносто девять процентов пристрастившихся к употреблению марихуаны, гашиша и иного травяного зелья неизбежно переходят к употреблению сильных наркотиков,

таких, как героин. Это ступень! Неизбежная и страшная. Это понимаем мы, это понимают наркодельцы, потому и процветает соответствующий бизнес. Извините за черный юмор, это как детско-юношеские спортивные школы, которые готовят претендентов для школ высшего спортивного мастерства.

– Все? – язвительно спросил Орлов.

– Что касается постановки проблемы, то все, – парировал Гуров. – А что касается коррупции, очковтирательства, системы отписок наверх – это наш фронт работы. Работа на местах ведется слабо, спустя рукава. Я уж далеко не хожу, но и в обозримом расстоянии от Москвы у нас дела идут из рук вон плохо. Я несколько дней анализировал данные по перемещению зелья, по вскрытым каналам и точкам распространения, по химическому составу. Выводы, товарищ генерал, я бы хотел доложить после планерки, чтобы не отрывать товарищей от работы. Речь идет о географической локализации источника.

– Хорошо, удержишься, – кивнул генерал.

Планерка закончилась, поручения розданы, замечания сделаны. Офицеры, шумно двигая кресла, покинули кабинет. Крячко откашлялся и развалился в кресле с видом хозяина.

– Наконец-то и я буду посвящен в святая святых, – важно произнес он, закатывая глаза к потолку. – Торжественный момент!

– Стас! – недовольно проговорил Гуров, наблюдая, как генерал пьет какую-то таблетку. – Стас... я был не готов. Нужно было все осмыслить, очертить, сформулировать. Что ты в самом деле!

– Так, – прокашлялся Орлов и вернулся к столу для заседаний. – Давай, что ты там придумал.

– Петр, – Гуров очень многозначительно постучал костяшками пальцев по столу, – отнесись, пожалуйста, серьезно к тому, что я расскажу. Это не бзик, как думает Стас, и не приступ язвы желудка. Кстати, что с тобой сегодня? И вид не очень, и таблеточки.

– Изжога, – скривился Орлов. – Всего лишь изжога, но причины бывают разные. В данном случае они внешние. Опять в нашей конторе полетели головы с большими звездами на плечах. И теперь верховное руководство на всех уровнях активно прикрывает собственные задницы чугунными сковородками, подставляя направо и налево ближнего своего и дальнего тоже.

– Когда это генерал Орлов боялся клеветников, дармоедов и другую шушеру? – задал Крячко вопрос в пространство. – Генерал Орлов, помнится, всегда был выше всего этого и во главу угла ставил только интересы дела. Стареешь, что ли, Петр?

– Вы больно молодеете, – проворчал Орлов. Потом посидел немного, угрюмо уставившись в крышку стола, и посмотрел на друзей. – Я в самом деле страшно устал. Работать ста-

новится все тяжелее и тяжелее, особенно после этой идиотской реформы. Если честно, знаете, чего мне больше всего хочется?

– Догадываюсь, – усмехнулся Гуров.

– Во-во, – улыбнулся наконец Орлов. – Ты, как всегда, прав, Лев Иванович. Позвать вас двоих, скинуть мундир, отвезти к себе домой и выпить как следует. И чтобы молодость повспоминать, и чтобы картошечка с лучком, жареное мясо, соленые огурчики и грузочки сопливенькие в блюде.

– Изжога, – нейтральным голосом напомнил Крячко.

– Фу на тебя! – с досадой бросил Орлов. – Ладно, с грузочками обождем, а сейчас давайте в темпе про коноплю. Что ты там нарыл, Лев?

– Смотрите, ребята. – Гуров встал и подошел к карте Европейской части России, которая висела на стене. – На сегодняшний день мы имеем по оперативным данным сведения о следующих каналах травки...

И он стал показывать и рассказывать, как соотносил направления каналов поставки этой дряни, объемы поставок, причастность местных жителей, а отнюдь не транзитников. Как свел в одну схему данные о химическом составе транспортируемого и распространяемого зелья. И как сделал вывод, что крупный источник травы находится совсем неподалеку.

– Таким образом, я считаю, что конопля выращивается где-то под Рязанью. И именно в пригородах, а не в одном из

отдаленных районов.

– Подожди, ты же сказал, что конопля среднеазиатская? – остановил его Орлов.

– Открой Интернет и посмотри, сколько и каких семян сегодня предлагается. Просто плати деньги и жди посылку по почте. Тоже мне, проблема.

– А почему ты считаешь, что выращивают зеленую массу именно в пригородах Рязани, а не в какой-нибудь деревне?

– Это же элементарно, Петр. Любое сельскохозяйственное производство в глубинке на виду. А в пригородах, в условиях селитебной перегрузки можно спрятать что угодно. Там и пригородные плодовые хозяйства, там и дачные массивы, там черт ногу сломит. Это же «принцип желтого ботинка».

– Что?

– «Принцип желтого ботинка», – пояснил Крячко. – Изобретение Гурова. Ботинок выделяется, если его поставить в одном ряду с тапочками. Желтый ботинок выделяется в чередке однообразно черных и так далее. Понимаешь?

– Тапочки надо прятать среди тапочек, а ботинок среди ботинок? – с иронией посмотрел на полковников Орлов. – Я думал, что они там делом в кабинете занимаются, а они шарады и скороговорки придумывают. Лоботрясы!

– Не скажи! – запротестовал Крячко.

– Стой, Стас! – отмахнулся Гуров. – Петр, я делал запрос в рязанский региональный Главк и ничего утешительного не получил. Все у них хорошо, все у них замечательно. Туда на-

до ехать и на месте организовать всю работу. Толкач нужен! Не забывай, что мы по обороту наркотиков занимаем первое место в мире.

– Это как считать, – запротестовал Крячко. – Если на душу населения, то первое место занимает Колумбия, а если по общему объему на единицу времени...

– Ладно, – кивнул Орлов. – В конечном итоге у нас на шее все равно висит московский канал, и с нас за него спросят. Точнее, меня. Хорошо, доказал! Только Стаса я тебе не дам, у него и тут работы хватит. Один поедешь. К тому же тебе ведь координатор тут на месте нужен. До меня тебе не дозвониться, а Стас разрулит в любой ситуации и раздобудет тебе оперативно любую информацию.

Крячко молча развел руками.

Жену Лев застал сидящей в задумчивости над чемоданом. По всей комнате были разложены платья, костюмы, брючки и блузки. Решалась проблема: как можно при минимальном количестве вещей, взятых с собой, выглядеть вполне прилично. Гуров подошел, сел рядом и обнял Машу за плечи.

– Не кручинься, красна девица, – голосом сказителя произнес он, – сейчас лето, и можно обойтись минимумом одежды.

– Купальником? – улыбнулась Маша. – Закрытый – для холодной погоды, открытый – для жаркой! Есть будешь? Я тебе там на неделю мяса натушила и щей дня на три. По-

том будешь покупать полуфабрикаты и пользоваться микро-волновкой. . .

Лев зажал ей рот ладонью и поцеловал в щеку.

– Я не буду есть, я буду смотреть на твою фотографию и предаваться печали.

– Ты будешь пропадать допоздна на работе, – обреченно подсказала Маша, – а потом вообще уедешь в командировку.

– Волшебница, – с удовольствием сказал Гуров, – яснови-
дящая. Только ты в очередности ошиблась: сначала коман-
дировка, а потом все остальное.

– Когда? – всплеснула руками Маша и оттолкнула мужа.

– Завтра. В Рязань.

– Господи, а кому я мяса натушила?

– А пойдем съедим его сейчас, – тоном заговорщика про-
шептал Лев, – тайно и все без остатка.

– Пойдем лучше чайку попьем, – предложила Маша и по-
трепала его по редееющим волосам.

Они не стали пить чай, а достали бутылку мартини, фрук-
ты, распечатали коробку конфет и устроили себе прощаль-
ный пир. Маша рассказывала театральные байки и хохотала
в полный голос. Гуров любовался женой и отпускал шуточки
в адрес молодых актеров. Вполне нейтральная тема, никак
не связанная с двухмесячной разлукой.

– Они скоро задвинут вас, – сетовал Гуров, – вы – старая
школа, а у них новое видение, новое прочтение старых тек-
стов.

– Лева, ты ничего не понимаешь в театральном искусстве. Я же тебе говорила, что театральное образование базируется именно на старой традиционной школе. Есть новые веяния, есть все, но теория не меняется. Ты сначала научись, а потом будешь импровизировать и рассуждать, что нужно современному зрителю.

– Согласен, но они у вас уже считают, что постигли секреты мастерства и пришло время по-иному посмотреть на традиционное искусство.

– К счастью, существуют традиции театра, настоящие режиссеры, а молодежь... молодежь она пока реализует себя на театральных капустниках и на различных молодежных тусовках. У нас есть один парень, я тебе рассказывала...

– Ветров?

– Да, Костя Ветров! Талантливый, многогранный, но беда в том, что он слишком рано хочет многого, рвется на части, пытается попробовать все и сразу. У него сейчас идет борьба со «звездной» болезнью. С одной стороны, доводят поклонницы, а с другой стороны, дороже все-таки творчество как таковое, а не пустые тусовки с элементами языческого поклонения идолу. Будет желание, если тебе интересна жизнь некоторых слоев нынешней молодежи, найди в Интернете его сайт. Там очень любопытные дискуссии проходят на форуме.

– Виртуальные тусовки? Вполне в духе времени. У них не хватает времени даже на живое общение.

– Не зуди, Лева, это же очень здорово, когда у человека совсем нет свободного времени. Тем более у молодого человека. Ты когда уезжаешь?

– Вечером. Поздно. Новороссийским.

– В половине первого ночи?!

– Ну, не получается по-другому! Дела.

– Лева! – испуганно и смешно вытаращила на него глаза Маша. – Я же забыла – у меня фен сторел!

– Вот проблема, – рассмеялся Гуров. – Нешто поехать в гипермаркет и привезти тебе новый?

– А поехали кататься по ночной Москве, – вдруг предложила Маша. – Хотя... Ладно, тебе завтра рано вставать, а потом еще в командировку ехать. А давай я с тобой? В гипермаркет. Там сейчас, наверное, пусто, и наши шаги будут гулко отдаваться эхом под мрачными сводами...

За Машей утром пришла машина, а Гуров уехал на работу, потом позвонила Маша и сообщила, что они сели в поезд, что поезд тронулся и что она забыла зарядник для телефона, но на вокзале умудрилась в киоске купить другой. Они посмеялись немного, а затем начались рабочие будни.

Вернувшись вечером домой, Гуров включил на кухне телевизор, с аппетитом посмотрел на тушеное мясо, овощной гарнир и решительно открыл холодильник.

После пятидесяти граммов ледяной водки настроение изменилось в лучшую сторону. Он с удовольствием поужинал, вымыл посуду и хитро посмотрел в сторону гостиной. Маша

строго внушала ему, что подолгу, да еще по ночам, не стоит сидеть за ноутбуком. Это был ее подарок ему на день рождения – мощный четырехъядерный, с большим экраном и всякими современными наворотами. Вот и есть чем отвлечься и на чем скоротать время до поезда.

Как Лев ни старался, мысли упорно возвращали его к предстоящей командировке. Он пробежал по своей схеме, еще раз анализировал основные ее узлы, а рука, двигая «мышкой», уже открывала «Одноклассников». Зарегистрировался там Гуров совсем недавно, из истинных одноклассников нашел только двух девчонок. Девчонок условно, потому что это были толстые тетки. Сознать, что школьные годы теперь уже окончательно в прошлом, было несколько грустно. Пока одноклассники менялись с возрастом не так сильно, таких ощущений не возникало. И...

О-о! Новичок! Да это же Юрка Калинин!

Маленький квадратик на фотографии мигал, показывая, что человек находится на сайте. Улыбаясь, Гуров набрал сообщение Юрке и отправил. Ответа не было долго, возможно, Калинин уже вышел из Сети, но вот наконец Юрка ответил.

– Левка! Здорово! Тебя и не узнать, раздобрел, солиднее стал. Как ты?

– Нормально. С тех пор как мы виделись с тобой во время твоего приезда в Москву, все без изменений.

– Ты все в легендарном МУРе? Мы почему-то еще в школе знали, что ты пойдешь по стопам отца-генерала.

– Нет, уже не в МУРе, но в той же системе. Юр, я тут в командировку завтра еду. И в Рязань! Может увидимся, посидим, повспоминаем.

– Отлично! Только не может, а обязательно. Теперь моя очередь тебя принимать. Про гостиницу и не заикайся, остановишься у меня...

Это было приятно, да и гостиницы Гурову за столько лет командировок уже порядком осточертели. И «посидеть» лучше в домашних условиях, а не где-то, откуда потом надо еще поздно возвращаться. И жена у Юрки, помнится, милейшая женщина, и дочь теперь уже, наверное, совсем взрослая. А он изменился! Сухой стал, как палка, щеки ввалились. Калинин никогда толстым и не был, но теперь точно выглядел как жердь. Да-а, меняет всех жизнь!

Хорошее настроение располагало полазить в Интернете, посмотреть новости. А ну-ка, что там Маша говорила про молодое дарование в их театре? Найдем-ка Константина Ветрова.

Сайт нашелся довольно быстро. Оформление было не ахти какое, а вот форум пестрил очень интенсивной перепиской. Причем сам Ветров участвовал в общении не так уж и часто. Некогда или ниже достоинства? Гуров посмотрел на фотографию-коллаж и покусал нижнюю губу. Симпатичный парень, самовлюбленность из него не особенно лезет. Скорее, если так можно сказать, он просто трезво оценивает свои способности как высокие. Ну, флаг ему в руки и успе-

хов в творчестве!

Что это они тут обсуждают? Современные тенденции в театральном искусстве. Понятно, почему Ветров в диалоге не участвует! Бред ребятишки несут несусветный, дилетантство, а туда же лезут. О! О любви и дружбе... Девочки. Понятно, диспут на уровне восьмого класса. Девочек интересуется, может ли быть дружба между мальчиком и девочкой, а мальчиков – кто сильнее, акула или медведь.

Стихи-и? Какие это стихи они обсуждают, какое такое свое мировосприятие? Гуров немного пролистал записи и наткнулся на несколько четверостиший, подписанных просто «Я». Пробежал глазами несколько первых строк и... и вернулся к началу. Теперь он уже внимательно стал вчитываться.

*Ты молчишь, как ночь, как лес корявый,
Ты уходишь – все, закончен пир.
Пустотой заполнен, как отравой,
Весь беззвучный и бесцветный мир.*

*Я осталась, онемев, и только голос,
Мертвый, силый, странный, ледяной,
Все окутал, как накрыл тяжелой,
Тихой и тоскливой пеленой.*

*Он не звал и не просил прощенья,
Умирал, а может, и не жил.*

*И упала я в изнеможеньи
Как уставший колос у межи¹.*

Гуров зябко передернул плечами. У автора явно какая-то беда, если это не позерство и не склонность к суициду. Он пролистал немного назад и нашел еще одно стихотворение.

*Выжигая темя, выплавляя память,
Светит с неба солнце-существо.
Я в бреду, а листья кружат танец,
Ощущая кровное родство.*

*Мы одни от крови и от плоти —
Листья, ветви и пунцовый мак.
Ждем, когда же все поглотит
Нас зовущий из могилы мрак.*

Ощущения были противоречивыми. Гуров еще дважды прочитал стихотворение и посмотрел в темноту за окном. Она была пронизана огнями уличных фонарей, теплым светом окон многоэтажек, подвижным задорным светом автомобильных фар, которые снуют по хитросплетению городских улиц. Тьмы могилы он не ощущал, зловещего света ночных огней тоже. Может, средства массовой информации, заигравшись с идеей конца света, довели неизвестного автора до такого? Странная девочка... или тетя. Хотя, почему он

¹ Здесь и далее в тексте использованы стихи Виктора Машинского.

думает об авторе в женском роде? Ощущения? Возможно. Хотя нет, в первом стихотворении автор говорит от женского лица, просто Гуров не уловил этого за общей мрачностью поэзии. Как же должно быть на душе у человека, если он пишет такое?

Желание рыться в Интернете пропало напрочь. Захотелось заняться чем-то активным, например, встать и начать собираться в дорогу. Лев проверял наличие в чемодане носок, нижнего белья, бритвы, а стихи не шли у него из головы. Все-таки не позерство, решил он, в самом деле какое-то иное восприятие мира.

Он попытался представить себе ночную аллею парка. Луна... серебристая, любопытная... Какая еще? Ну, иногда по настроению может и грустная, унылая. Представить ее зловещей Гуров не мог, как ни старался. А сама аллея? Загадочная, уходящая вдаль, в теплую летнюю темноту. И пустынные садовые скамейки по краям дорожки с изящным изгибом ножек. Нет, не видятся они корявыми лапами, норовящими схватить тебя за ногу. М-да, мировосприятие!

В поезде Гуров послушно провалился в сон, откинувшись на спинку. Четыре часа пролетели мгновенно, а когда небо за окном вагона начало светлеть, появилась и проводница с билетом.

На перроне, несмотря на очень раннее утро, было доволь-

но людно. Народ валом валил до Новороссийска, а там – курортные излюбленные города, городки и поселки. А вот провожающих было мало, это стало хорошо заметно, когда все пассажиры скрылись в вагонах и перрон почти опустел. И только теперь Гуров заметил сутулую жердеобразную фигуру, подпиравшую стенку. Фигура оторвалась от стены, вскинула приветливо руку и заспешила навстречу Гурову.

– Здорово, Юрка! – обнял приятеля Лев и уткнулся головой ему куда-то под ключицу.

– Здорово, Левка, – растроганно пробубнил сверху Калинин. – Здорово, чертяка! Рад тебя видеть! Ну, поехали ко мне, я на машине. Доспишь чуток, что в поезде не добрал, а потом...

– Юрик, извини. Захвати мой чемодан, а я к тебе вечером приеду. Смысла нет расслабляться, впереди напряженный рабочий день. Кстати, начнется он через три часа. Может, составишь компанию? Здесь в ресторане и позавтракаем.

Калинин посмотрел на него усталыми глазами и с улыбкой согласился. Они сидели, пили горячий кофе посреди большого пустого зала ресторана и ждали, пока им пожарят свиные отбивные.

– Значит, ты уже полковник! Солидно. Вообще-то, ты всегда был упорным в достижении своих целей. И что, прямо вот в самом министерстве работаешь?

– В самом. В Главном управлении уголовного розыска.

– И что же тебя мотает по стране, раз ты министерский работник? Должен к себе вызывать, на ковер!

– Я начальник маленький, Юрик. Моя работа заключается по-прежнему в том, чтобы ловить преступников. Только теперь приходится подключать для этого местную полицию в разных уголках страны. Ну и учить немного, помогать, делиться опытом. Так что не кабинетный я работник, не радуйся за меня. А ты как?

– Я все так же по инженерной части. Начальник участка в электросетях.

Калинин как-то весь поджался. Гуров решил, что своими расспросами делает школьному товарищу больно. Может, у него нелады на работе? Однако не скажешь же, ладно, меня не интересует твоя работа и твоя жизнь, давай опять о моей жизни разговаривать.

– Жена как? Помнится, у тебя была дочь?

– Тут, Левка, многое изменилось, – упавшим голосом ответил Калинин, но все же поднял глаза и мужественно посмотрел на Гурова. – Жена у меня вскоре умерла, где-то через пару лет после того моего приезда в Москву. Онкология.

– Сочувствую. – Гуров решительно положил свою руку на кисть Калинина: – Это жизнь, такое в ней бывает. Жаль, что это выпало на твою долю, но...

– От судьбы не уйдешь, – кивнул Калинин. – Дочь... растет. В смысле, выросла уже. Ей в этом году двадцать стукнуло...

Гуров догадался, что с энтузиазмом восклицать по поводу того, что она совсем уже невеста, не стоит, и выжидающе посмотрел на одноклассника.

– Свалилось на меня, Левка, – поморщился Калинин и сокрушенно помотал головой, – такое свалилось, что... Сейчас-то я отошел, а тогда... Жену схоронил, как-то свыкся с этой мыслью, да и Таньку растить надо было. А потом Вероничку встретил, и так мне захотелось ее тепла, заботы. Наверное, мужик во мне верх взял, бабы захотелось. Но, надо честно признаться, жить мы с ней сразу начали хорошо, не ошибся я. И к Таньке она по-матерински, и Танька к ней с теплом. Вроде стало налаживаться все, затихать стала боль внутри.

Они переглянулись и поняли друг друга. Оба поняли, что без стопки дальше говорить сложно, а впереди рабочий день.

– Может, до вечера? – предложил Гуров.

– А что вечер? Вечером легче рассказывать? Лучше уж я тебе сейчас все расскажу, отмучаюсь, а вечером... Полегче будет. В общем, забеременела Вероничка, пацана мне родила. Павликом назвали... И все бы хорошо, да только беда меня решила не отпускать, на прочность до конца испытать. Шесть ему было, седьмой пошел. На детской площадке это произошло. Как уж там, не знаю... Качелями его ударило, и прямо в висок. Так в больнице через два часа и умер, не приходя в сознание. Вероничка чуть с ума не сошла, да и я тоже. Тут еще и отношения у нее с Танькой испортились.

Вроде как мой ребенок умер, а твоя дочь жива. Чисто психологически я это понимаю, объяснить могу, а примириться – нет. Танька... возраст такой у нее был, переходный, что ли... покуривать стала, замкнулась в себе, слова, бывало, не добеешься. А потом, когда я узнал, она уже втянулась.

– Наркотики? – догадался Гуров.

– Угу. Сначала травку курила, потом таблетки и уколы. Но я ее спас. Не могу тебе пересказать, как я это пережил, как осилил, но спас. Лечилась она долго, сильными препаратами, дорогими. Кажись, обошлось. Только вот другая болячка приключилась. Врачи говорят, что это как раз от тех сильных препаратов. В общем, память она иногда теряет.

– Как это?

– Да так. Идет по улице, идет, а потом как накроет ее, и все – ничего не соображает, не помнит. Два раза с поезда снимали, три раза в полиции ночевала. Боюсь...

– А врачи? Может, лечение какое-то?

– Мне кажется, что браться никто не хочет. К кому только не обращался, все без толку. По мне же видно, что не олигарх. Был бы олигархом, так давно бы уже целыми клиниками вокруг меня хороводы водили и диагнозов мудреных десятка два предъявили бы.

Глава 2

Подполковник Гончаренко встретил Гурова в своем кабинете. Он восседал с типичным начальственным лицом в глубоком кожаном кресле с высокой спинкой. Создалось впечатление, что этот невысокий лысеющий человек специально забрался так глубоко в кресло, чтобы потом ему было сложно выбираться оттуда и бросаться навстречу полковнику из Москвы. Именно так, чтобы этими потугами показать, как рад, как он ждал этого гостя и на что ради него готов.

Гуров дождался, пока Гончаренко выпутается из мебели и подбежит к нему с протянутой рукой, позволил усадить себя в кресло у приставного стола, молча выждал, пока подполковник закажет кофе и выставит початую бутылочку хорошего коньяка.

– Может, делом займемся, Олег Сергеевич? – сухо поинтересовался он. – Оставьте кофе и коньяки в покое. Меня интересует сводка за последний месяц, о которой я вас предупреждал два дня назад.

– Да, конечно. – Промакивая лысинку носовым платком, Гончаренко кинулся к селектору и приказал секретарше вызвать к нему какого-то Матурина.

Гуров, чтобы не сидеть истуканом и не смотреть этому неприятному подполковнику в глаза, поднялся и, потягиваясь, прошелся по кабинету.

– Мне будет нужна группа, – сказал он наконец.

– Простите, не понял вас?

– Группа оперативников в мое личное подчинение на все время командировки. В Следственном управлении кто занимается наркотиками?

– Там... разные следователи...

– То есть вы не знаете специализации. Ладно, разберемся...

Дверь громко хлопнула, и четкие шаги прошли к столу.

– Вот! Вы просили вам подготовить, – с вызовом прозвучал голос с легкой хрипотцой.

Гуров удивился. Значит, кто-то еще недолюбливает этого Гончаренко? Интересно, за что? Он обернулся и увидел молодого мужчину в светлых мятых брюках, мятой льняной рубашке и с красными глазами. Если бы не светлые волосы, мужчина выглядел бы страшно небритым. Любопытно, у них тут неряшество в моде или этому диву есть причины?

– А здороваться с представителями московского Главка у вас не принято? – поинтересовался Лев и стал ждать реакции визитера.

– Виноват, – сухо ответил Матурин, – по этой части у нас начальство, а я больше по оперативной работе.

– Ты... это, – хмуро попытался поставить подчиненного на место подполковник, – давай-ка тут без гонора. Ишь...

Что ишь, Гуров так и не услышал, но опытным глазом безошибочно угадал в этом небритом и невыспавшемся че-

ловеке настоящего оперативника. Наверняка после тяжелого ночного дежурства, поэтому и на взводе. Ему бы бумаги дописать, начальнику передать да поспать часика четыре. А он должен какие-то папки срочно носить да прогибаться перед московским чиновником. И не зря именно его Гончаренко с папкой вызвал.

– Разрешите идти, – по-военному отчеканил Матурин, но в струнку не вытянулся.

– Иди давай, – махнул рукой подполковник.

– Матурин! – окликнул сыщика Гуров, когда тот уже взялся за дверную ручку. – Вы сколько еще намерены пробыть в управлении?

– Примерно час! А потом, если позволите, я бы поспал немного после «ночи».

– Поспите. Но я попрошу вас все же дождаться меня в вашем кабинете. Надолго я вас не задержу.

Матурин кивнул и молча вышел.

– Чего это вы его? – не понял Гончаренко. – Хороший работник, но только... того. Если бы не его исключительные деловые качества, давно бы в участковые загнал. А так приходится терпеть. Воспитываешь его, воспитываешь! Опять пришлось звание задержать. Ему бы уже года два, как в майорах ходить. Сам виноват!

– Слушайте, Олег Сергеевич, а почему вы попросили принести вам сводку именно этого офицера?

– Ну-у, он ее готовил. Он же у нас по наркотикам работа-

ет...

– Хорошо, сводку я возьму с собой и посмотрю потом. Сейчас назовите мне номер кабинета, в котором работает Матурин.

– Хотите с ним лично поговорить? 24-й. Так я его сейчас сюда вызову!

– Отставить! – рявкнул Гуров. – Если мне будет нужна ваша помощь, я вам скажу. Группу я сформирую сам.

Гончаренко попытался что-то там пояснить ему в спину по поводу кадров, которые он знает лучше, но Лев ждать не стал. Он деловито прошел приемную, поймал за локоть какого-то лейтенантика, который посоветовал ему спуститься этажом ниже, где находится 24-й кабинет и капитан Матурин.

Гуров толкнул дверь и увидел три пары глаз, недовольно уставившихся на него. Матурин смотрел с некоторой обреченностью, а его двое коллег помоложе, которые не совсем были в курсе визита, явно готовы были нахамить. Полковник решил сразу расставить все точки над «і».

– Гуров Лев Иванович, – представился он, глядя на молодых сыщиков, – Главное Управление уголовного розыска МВД России. Мне нужно пообщаться с капитаном Матуриным, так что, парни, оставьте нас минут на двадцать. Если не трудно.

Опера поперхнулись, и их как ветром сдуло. Лев покачал головой: начальства никто не любит. Он повернул свобод-

ный стул и уселся на него, положив ногу на ногу.

– Как вас зовут, Матурин?

– Игорь Васильевич! А что привело вас в наше скромное учреждение, если не секрет?

– Я понимаю, что вы вымотались за время дежурства, но все же не стоит нарушать субординации. Как говорил Мюллер Штирлицу, я старше вас по возрасту и по званию. Поэтому не надо зарываться.

– Извините, – вяло ответил Матурин.

– Вот так-то лучше. Мне пояснили, что вы один из лучших сыщиков вашего управления и занимаетесь как раз теми вопросами, ради которых я сюда приехал. И этот отчет, – Гуров бросил на стол капитана папку, – тоже составляли вы. Так?

– Насчет отчета – так, а насчет остального не знаю, – рассмеялся Матурин.

– Значит, так, я уверен, что данная сводка или отчет составлены на скорую руку и для отписки начальству, – заявил Гуров, наблюдая, как лицо капитана наливается недовольством и даже злостью. – Я бы на вашем месте так же поступил. Поэтому! С сегодняшнего дня вы переходите в мое прямое подчинение. С текущими делами решим завтра утром. Мне нужны вы и еще один молодой сообразительный и энергичный сотрудник, желательно с хорошей физической подготовкой. Назовите мне этого кандидата и можете отправляться спать, скажем, до шести часов вечера.

– Вот это подарок! – восхитился капитан и посмотрел на московского полковника уже с интересом. – Ладно, тогда с меня ответный презент. Есть у нас один лейтенант. Молодой, да из ранних. У него два недостатка: он патологически честен, что ставит на его карьере большой жирный крест, и слишком увлекается спортом. То и другое с возрастом пройдет, но я боюсь, что он успеет испортить себе самые цветущие годы.

– И?

– Леша Нефедов! Отличник учебы и заядлый каратист. Могу позвать прямо сейчас.

– Звоните, – кивнул Гуров на телефонный аппарат.

Через три минуты перед ним вырос очень милостивый юноша с пушком на верхней губе. Он представился, блистая еще курсантской выучкой, и замер, выжидательно поглядывая то на Матурина, то на грозного московского полковника.

– Поступим следующим образом, ребята, – предложил Гуров. – Ты, Нефедов, сейчас пойдешь со мной. Потолкуем за пределами казенных стен. А ты, Матурин, уж не обессудь, поднимись к Гончаренко и передай мой следующий приказ. Вы двое поступаете в мое распоряжение. С вашим начальником пусть решает сам, но освободит от всех текущих дел с завтрашнего утра. Завтра мне будет нужна служебная машина без полицейских опознавательных знаков и опытный аттестованный водитель. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – с удивленной улыбкой покачал головой

Матурин.

– Никак нет! – отрапортовал Нефедов и посторонился, пропуская полковника к двери.

Они молча вышли из здания, и Гуров повел своего молодого помощника в сторону виденного недавно кафе. И только за столиком, когда официантка ушла за заказом, наконец серьезно заговорил с ним. Коротко изложил ему информацию о цели своего приезда в Рязань, о причинах, по которым в помощники взял именно капитана Матурина и Нефедова.

– Блин! – то ли обрадовался, то ли восхитился Нефедов. – Вы просто спасли Игоря. Он бьется, бьется как рыба об лед. Вы не представляете, как его и по рукам хлещут, и одновременно результатов требуют. Как он все еще выдерживает и не бросает эту тягомотину? Его уже несколько раз пытались сманить из органов в коммерческие структуры. Он же опер от бога!

Гуров усмехнулся и попросил рассказать, кто из руководства что собой представляет. Картина была обычная. В каких-то областях она выглядела лучше, в каких-то хуже, но в среднем все везде примерно так. Начальник управления уголовного розыска – ставленник, удобный руководству местного ГУВД, человек, который хорошо ориентируется в пожеланиях генералов. Начальник ГУВД и его замы – все, в той или иной степени, замараны, и их больше всего беспокоит, чтобы не всплыло что-то из их прошлых или настоящих грехов. Наверняка кто-то и с криминалом был связан, кто-то

с экономическими преступлениями, но просто их не взять. Гуров и не намеревался кого-то тут брать, понимая, что свалить начальника можно только убойным компроматом, доказательствами и свидетелями. А если ничего этого нет, то и воду мутить не стоит, иначе и миссию свою провалишь, ради которой и приехал.

– Значит, хороший он опер? – спросил Лев.

– Настоящий!

– А ты?

– Я! Я зеленый еще, – откровенно выдал Нефедов и засмеялся. – Ну, это так обо мне говорят. Вообще-то, учился я хорошо, теорию знаю, а вот практики не хватает. А помимо того, чему нас учили, есть еще опыт и индивидуальные хитрости матерых сыщиков. Таких, как вы, например.

– Ты меня знаешь?

– Ага, про вас рассказывали на лекциях.

– Хм, – поморщился Гуров, хотя в душе ему было приятно. – Ладно, давай к делу. Догадался, почему я тебя из стен управления на улицу вывел? Чтобы тебя со мной поменьше народу видело. Работа у нас секретная, помешать нам будут стараться не только преступники без формы, но и кое-кто в этом здании. Надеюсь, ты не питаешь иллюзий, лейтенант, что честность и порядочность в человеке определяет наличие у него погон на плечах? Не питаешь, хорошо! Так вот. Есть у меня информация, что неподалеку имеется центр по выращиванию и сбыту наркотиков. Судя по тому, что работа

вашего управления в этом направлении буксует уже не один месяц, я делаю вывод, что кому-то это выгодно.

– И мы втроем их накроем? – загорелся Нефедов.

– Накроем, обязательно накроем, – пообещал Гуров. – А теперь тебе задание...

В седьмом часу вечера Гуров подъезжал на такси к дому своего одноклассника. Это было очень здорово, что Калинин жил в коттедже. Выйдя из машины, Лев сразу ощутил приятную ауру коттеджного поселка.

Пользуясь ориентирами, которые дал ему Юрка, он прошел мимо трансформатора на столбе, затем мимо грузовика без колес, а потом увидел светло-коричневую крышу нужного дома. Благодать! Сейчас сядет солнце и прохлада густой зелени накроет все вокруг. Наверное, запоет иволга, наверное, налетят комары. Последнее нежелательно, но оно как-то к душе. В Москве Гуров уже и забыл, что такое комары, а на даче, куда он выбирается очень редко, работает фумигатор.

– Гостей принимаете? – зычно крикнул Лев, открывая металлическую калитку и быстро бегая глазами по отдаленным уголкам двора.

– Заходи! Собаки нет! – как будто понял его опасения Калинин, появляясь на веранде в широких цветных штанах. – Вероника, Татьяна, встречайте гостя!

Первой выбежала стройная девушка с короткими темными волосами. Улыбалась она так, словно ждала гостя много

лет, и вот наконец он появился. Есть такие люди, которых природа одарила вот такими щедрыми улыбками.

– Таня, – немного надтреснутым, но не лишенным приятности голосом представилась она. – Проходите, Лев Иванович, папа про вас уже все рассказал.

– Успел уже! – пошутил Гуров. – Только рассказывать-то нечего. Столько лет прошло после школы, я уж и фамилии одноклассников стал забывать. Только имена и прозвища.

– Здравствуйте, – раздался за спиной еще один женский голос.

Гуров резко повернулся. Женщина была под стать Юрке, но все же не так высока. Что-то болезненное проскальзывало в ее облике. Или это просто от того, что она давно перестала ухаживать за лицом, за фигурой. Даже осанка какая-то болезненная.

– Здравствуйте, – постарался выразить максимум приветливости Лев. – Вот, решили с Юрой, что не стесню вас, если поживу несколько дней.

– Живите, конечно, – кивнула Вероника, улыбнувшись одними губами.

Дальше все пошло по стандартной программе. Стол был уже наполовину накрыт, закуски и выпивка расставлены. Сели, хватили по одной, с удовольствием закусили, завели разговоры ни о чем. Потом по второй, и Вероника заспешила на кухню за горячим. Следом ушла все это время тихо улыбавшаяся Татьяна.

– Давай еще по одной, – сморщился как от зубной боли Калинин.

Гуров охотно кивнул и потянулся за бутылкой. Он потихоньку начинал жалеть, что остановился у Юрки. Слишком тягостной была обстановка, какой-то нездоровой, как незримое присутствие инфекции или раковой опухоли. Лев поймал себя на гаденькой мысли: что же это ты, полковник, живешь сытой жизнью, с любящей женой и работой, которая тебе приносит удовлетворение, а как окунулся в чужую неудовлетворенность, даже откровенную беду, так и нос воришь! Не комфортно тебе? Когда пацанами были и одинаковыми во всем, то было комфортно, а теперь с высоты положения министерского работника уже не то?

Он посмотрел в глаза Юрке, ободряюще улыбнулся и опрокинул в рот рюмку. Появилась Татьяна с тарелками. Она что-то ставила, передвигала на столе, освобождая место под второе блюдо, а Гуров все смотрел на одноклассника.

– Ты, Юрок, не раскисай, – наконец сказал он.

Калинин поднял лицо, посмотрел вслед дочери, ушедшей за женой на кухню, и пробормотал:

– Как тут... Ты же видишь, что нет у них отношений, каждая в своем коконе варится. Это они сейчас перед тобой демонстрируют, а уйдешь завтра на работу, и опять стена. Танька еще ничего, жалеет меня, а Вероничку как подменили. Как чужой человек в доме.

Жена так и не вернулась к столу. Юрка уловил ее голос,

вышел на кухню, вернулся с постным лицом и уселся на свое место.

– Прилегла она, – произнес он в пространство. – Нездоровится. Так что посидим втроем. Да, Танюшка?

– Ага, – улыбнувшись, задорно кивнула головой девушка.

Гуров посмотрел на нее и невольно тоже улыбнулся. Говорили о многом, но больше всего вспоминали школьные годы. Татьяна хохотала в голос и махала руками на мужчин. Кажется, Юрка был доволен тем, что у дочери такое настроение. А может, уже давно не слышал ее смеха. Это ведь, наверное, очень страшно – жить бок о бок с человеком и не слышать годами его смеха!

– Вот, Таня, видишь, как ты отцу угодила, – смеялся Гуров, – что разрешила своим ноутбуком воспользоваться и в «Одноклассниках» зарегистрироваться. Так бы и не встретились.

– Это не мне, это ему спасибо, – тихо ответила девушка. – Он же мне его подарил.

Ее улыбка стала какой-то затравленной. Опять перед Гуровым сидел другой человек.

Потом Юрка повел его в дальнюю комнату, где ему уже постелили. Кровать была удобная, деревянная, односпальная. Гуров сидел, расстегивая рубашку на груди, а Юрка куда-то вышел и снова вернулся.

– Вот, смотри, – сказал он, протягивая Льву небольшую фотографию. – Вот он, рядом с ней.

– Кто, вот этот высокий парень?

– Да. Это они куда-то на пикник ездили, на природу. Вот она и хранит. Наверное, все еще любит его. Я уж подумывать стал, а не выбросить ли мне эту фотку? Вроде потерялась и никто ничего не знает.

– Чтобы не мучить ее, чтобы забыла скорее? – Гуров отрицательно покачал головой. – Можешь только хуже сделать. А если у нее истерика случится на этой почве, если она на последних остатках самообладания держится из-за этой неразделенной любви? При ее состоянии и такой стресс. Нет уж, пусть лежит. Уверен, что придет время, и она сама удивится, что столько времени вздыхала и заламывала руки. Возьмет она ее в один прекрасный момент и ничего к нему не почувствует. Перегорело все!

– Хорошо ты говоришь, складно, – невесело усмехнулся Юрка, забирая фотографию. – Тебе бы романы писать.

– Протоколы я пишу, забыл? А еще у меня жена актриса. Тоже забыл? А парень ничего, мужественный, красивый. Ты так и не в курсе, почему они расстались? Может, из-за наркотиков он ее бросил? Он сам по виду не наркоман.

– Кто же их знает? Расспрашивать-то я боюсь. Ладно, спи, товарищ полковник.

– Не товарищ полковник, а просто полковник. Не люблю этого словосочетания. Кому я друг, тому друг, а товарищ – это что-то абстрактное, поддельное, неискреннее. Люди далеко не братья друг другу по своей натуре. Скорее, наоборот.

– А ты, смотрю, тоже не оптимист!

– Избитый ответ, но я все же скажу, ибо это чистейшая правда. Люди друг другу по натуре волки. В основной своей массе, конечно, а не сплошь. Души у них стало маловато, не всякий готов руку протянуть упавшему.

– А ты? – вдруг остановился в дверях Юрка. – Ты при своей работе часто протягиваешь людям руку?

– Юр, ты себе не представляешь даже, как часто, – заверил Гуров. – Я только этим и занимаюсь. Даже преступника поймать и под суд отдать – благо. И благо не для потерпевших и его других потенциальных жертв, которые могли бы быть в дальнейшем. Это благо даже для него. Чем меньше он совершил, тем меньше срок. А там, куда их отправляют, между прочим, все же происходит иногда перерождение, они решают завязать с преступным миром и начать новую жизнь. А кто его туда посадил, кто его подтолкнул к этому решению?

– А ты философ, Лева.

– В моей профессии нельзя иначе, а то с ума можно сойти, если общаться только с преступниками.

Гончаренко ждал Гурова на улице перед входом в здание ГУВД.

– Здравия желаю, Лев Иванович! Вот вам водитель... ты не сутулься, Кикин, не сутулься. В ваше распоряжение и Кикина, и мою служебную машину. Она без опознавательных

надписей.

– Хорошо, – кивнул Гуров и внимательно посмотрел на водителя. – Какой стаж за рулем, Кикин?

– Н... не знаю, лет шесть, наверное. Армия, потом полиция. Ни одной аварии, между прочим.

– Не попадал или умудрялся в критической ситуации избежать аварии?

– Да всякое бывало, – с интересом посмотрел на Гурова Кикин.

– Бегом переодеваться! – приказал Лев. – Через час без формы с машиной здесь. Вопросы есть?

– Есть, – тут же ответил Кикин, шевельнув складками наголо обритого черепа. – Бензина маловато, если вы собираетесь много ездить.

Гуров с крайним изумлением посмотрел на Гончаренко, а тот, в свою очередь, озабоченно и с некоторым неудовольствием уставился на своего водителя и пробормотал:

– А... ну, решим, конечно. Ты чего же, Кикин, мне сразу не сказал, что у тебя бензин на нуле?

– А он не на нуле. Просто, если по оперативным делам мотаться, в самый неподходящий момент кончиться может.

Теперь настал черед Гурова с некоторым изумлением посмотреть на молодого водителя. Парень оказался сообразительным.

Через полтора часа Кикин, переодетый в джинсы и футболку, привез Гурова с помощниками на улицу Семаш-

ко к Центральному парку культуры и отдыха «Рюминская роща». Серая «Хонда» плавно остановилась перед самым знаком «Остановка запрещена». Кикин опять проявил сообразительность. Еще пять метров и пришлось бы «козырять» удостоверениями, когда нагрянет кто-то из сотрудников ГИБДД.

– Пошли, ребята, – вылезая из машины, сказал Лев, – а ты, Кикин, сторожи технику.

В сопровождении Матурина и Нефедова он вошел на территорию парка и неторопливо двинулся в сторону скандально знаменитого Рюминского пруда.

– Начинаем работать головой. Что с моим заданием, Леша?

– Карту я составил, – озабоченно ответил Нефедов, – только она в машине осталась. Вы же не сказали. Сбегать?

– Зачем? Раз ты ее составлял, то должен на память помнить все.

– Что за карта? – поинтересовался Матурин.

– Докладывай, Алексей, докладывай! – приказал Гуров, заложив руки за спину и наклонив голову.

– Так, карта, – начал Нефедов, поглядывая на капитана. – Значит, я собрал все сведения о задержаниях и изъятии наркотиков объемом больше одной дозы по городу и пригородам и нанес на крупномасштабную карту. А еще я нанес на нее точки распространения и маршруты наркоканалов. Два межобластных и восемь внутриобластных. Это все, что мне

было доступно. Кое-кто со мной серьезно разговаривать не захотел, но я помню, что вы мне, Лев Иванович, советовали, и не настаивал.

– Правильно, не надо пока привлекать к себе внимания особо рьяным поведением. Теперь ты, Игорь. Послушай, что Леша перечислит, и сделай свои замечания и уточнения. На память.

Гуров специально устроил этот «мозговой штурм». С одной стороны, он хотел лишний раз проверить, а не ошибся ли в профессионализме и талантах своих помощников, а во-вторых, хорошо знал по себе, что такая разминка ума активизирует мозг лучше любого допинга.

Нефедов перечислил все точки, нанесенные на карту, и, судя по тому, что Матурин его ни разу не перебил, он практически ни разу не ошибся. Ни в датах, ни в объемах, ни в фамилиях и кличках задержанных. С памятью у лейтенанта было все в порядке.

Матурин добавил лишь несколько уточнений и четыре задержания, о которых Нефедов не упомянул. О них лейтенант просто не знал. А потом Матурин добавил информацию, которую почерпнул от своей агентуры. По его мнению, наркоту выращивали где-то совсем недалеко от города и в большом количестве. Этого он своему начальству еще не докладывал.

Гуров перечислил несколько пригородных районов Рязани, где, по его мнению, могли выращивать коноплю. Теперь пришло время удивляться оперативникам.

– Когда это вы успели? – спросил Матурин. – И с географией познакомиться, и выводы сделать?

– А с географией и выводами я сюда приехал, впечатление составил еще в Москве. Собственно, поэтому и приехал, что от вашего начальства ждать активных действий почему-то не приходится. Не знаете почему?

Оперативники усмехнулись, неопределенно дернули плечами и стали смотреть в разные стороны.

– Правильно, – похвалил Гуров. – Сор из избы выносить не стоит. Полковник из Москвы приехал, полковник уедет назад, а вам тут работать. И кто его знает, этого полковника, а вдруг он снюхался с вашим начальством!

– Зачем вы так, Лев Иванович? – недовольно возразил Матурин.

– Нормально все, Игорь. Я не жалобы принимать приехал и не разбираться, кто и что собой представляет. Времени у меня на это нет и власти тоже. Я опер! И работать приехал как опер!

– Так давайте начнем работать, что ли, – предложил Матурин. – Идея ясна, фронт работы обозначен. Вперед? Только я предлагаю разделиться для большей эффективности. Каждый берет себе территорию и обследует ее...

– А я и не собирался вас катать всем гамузом, – проворчал Гуров.

Настроение у него никак не улучшалось, несмотря на то что помощники у него оказались толковыми специалистами

и с ними можно было сделать многое. Неприятно было сознавать, что ты приехал сюда как представитель всемогущего министерства, на тебя, вольно или невольно, тоже смотрят как на всемогущего, а ты только и можешь, что организовать и подтолкнуть розыск. В то время как сытые морды тех, кто на тебя взирает здесь, на местах, кто должен был бы эту работу давно уже начать делать, усмеваются и приветливо машут тебе ручкой. Молодые же опера смотрят на тебя понимающе и снисходительно – конечно, что ты можешь сделать, коль ты такой же «попка», как и мы, только у себя в министерстве.

Сделать Гуров мог, и сделать многое, но для этого он должен приехать с официальной проверкой, с полномочиями проверяющего лица. Тогда он официально собрал бы массу материала, на основании которого полетели бы погоны нерадивых работников и откровенных преступников. А сейчас он был в положении человека, который все видит, все понимает, а сделать ничего не может. Любой его рапорт в министерстве расценили бы как результат того, что он занимался в Рязани не своим делом, сводит счеты с кем-то по своей инициативе или по просьбе кого-то другого. Тут и Орлов не поможет. Кстати, именно Орлова он в первую очередь и подставит своей «самодеятельностью».

Обсудив задачу на сегодняшний день, Гуров посадил помощников в машину и отправился по маршруту их высадки. Нефедова он высадил в районе поселка Октябрьский, где, помимо частного сектора, имелись три дачных кооператива,

а капитана отправил обследовать пригородные и очень старые дачные участки на так называемой Лисьей горе. Обилие перелесков, дубовых рощ, березняков и сосняков, разбросанные дачные кооперативы, часть которых расплывалась по брошенным в постсоветское время полям, а часть уходила именно в лесочки и дубравы. Эти участки и товарищества образовались еще в 60-е годы, в самом начале кампании по выделению участков населению. Сюда ходил пригородный автобус, хотя по прямой от окраины города было всего километра два. А еще здесь имелся свой участковый пункт полиции.

Высадив помощников, Гуров отправился на машине на другую окраину города, туда, где новостройки надвигались на остатки некогда мощного плодоовощного совхоза имени Мичурина. Кикин довез его лихо, но аккуратно, поразив своей манерой езды. Ездил он быстро, ловко, но правил не нарушал и аварийных ситуаций не создавал. Редкостное качество: аккуратный лихач.

Не удержавшись, Гуров спросил сержанта, где тот так научился водить машину.

– Я же гонщик, – с довольной усмешкой пояснил Кикин. – Бывший, конечно.

– Да-а? И где же ты гонял?

– В армии, – засмеялся Кикин. – Ясное дело, что по возрасту я не могу быть членом сборной России. До армии автошколу окончил, а в части командир автослужбы оказался

заядлым спортсменом, он и собрал команду. И во мне талант узрел. Говорил, что дар у меня – машину чувствую.

Гуров слушал рассуждения молодого сержанта о собственных талантах, а сам думал о своем. Что-то подсказывало, что выбранный им путь не принесет быстрого успеха. Обойти все удобные места для выращивания конопли в пригородах такого большого города, как Рязань, – дело не простое. А если он ошибается еще и в том, что выращивают ее непосредственно в пригородах, то работа окажется вообще напрасной. Стидища! Как потом Петру в глаза смотреть? Доработался до... маразма.

И все-таки Лев чувствовал, что направление выбрано им правильно. Можно ошибиться в географии, но не в подходе в целом, не в идее, которую он взялся разрабатывать. Преступники где-то рядом, и в этой игре «горячо – холодно» у него как раз очень «тепло».

Позитива размышления добавили, но день, проведенный среди остатков бывшего крупного пригородного хозяйства, окончательно убил хорошее настроение. Очень трудно свыкнуться с мыслью, что в стране имеет место такое вот явление. Что у руля стоят люди, которые не только не умеют руководить, берутся за дело, в котором плохо соображают. И в результате – заброшенные теплицы, заросшие сорняком и подростом фруктовые сады, бесхозные поля. Какой дурак поставил на эти должности других дураков? Почему в наше время, когда столько деловых людей вокруг, когда в стране уве-

ренно правит предпринимательство, все еще назначают на должности по блату, по знакомству? И ладно бы толковых назначали, но ставят-то бестолковых.

Вот и на этой территории тоже. Агрохозяйство, если судить по вывеске, закрытое акционерное общество. Это же коммерческая структура, которая ориентирована на одно – получение прибыли. Откуда же такая бесхозяйственность? Потом Гуров вспомнил других людей, с которыми его сводила судьба во время командировок. Бизнесмен в одном из областных центров, разворотливый мужик, а держит в помощницах бабу, все достоинства которой заключаются в ее связях. Она руководит в его бизнесе капитальным строительством, не имея строительного образования. В результате торговый комплекс принят с нарушениями, которые всплыли потом и накрыли бизнесмена на приличные дополнительные расходы. Потом этот комплекс год простоял без дела, хотя можно было уже сдавать в аренду торговые места. Гуров попытался прикинуть недополученную прибыль и ошалел. Вот это бизнес!

А баба, которая руководила салоном красоты, ни уха ни рыла не понимающая в бизнесе вообще и в салонном в частности. Но руководила она им потому, что салон входил в бизнес ее брата. Но он-то видел, понимал, не мог не понимать, что его сестра губит идею, губит салон, в который вложены просто огромнейшие деньги. Или не понимал? И это не единственные случаи, потому что таких никчемных людей

Гуров встречал в региональных министерствах, комитетах. Этих людей тянули вверх, они плохо и неумело работали, но их держали, их переводили с места на место, но все равно держали при себе их высокие покровители. Почему, зачем? Только ли из-за послушания, из-за «управляемости». Только ли понимая, что умный человек на месте этого подчиненного станет умно руководить и подчеркнет глупость своего высокого шефа? Или тут имеет место иная дурь?

Нет, не дурь, в этом Гуров был уверен. Он стал вспоминать знакомых бизнесменов, чью историю жизни знал хорошо. Этот поднялся в 90-е годы. Резко поднялся, сразу с большими объемами. Другой был телохранителем крупного уголовного авторитета, которого убили. Еще один... отсидел в 90-е, вышел и сразу «замутил» хороший бизнес. Еще... поднялся в 90-е, и другой тоже, и еще один. А двое других во время приватизации, на ваучерах. И все они, как хорошо знал Гуров, имели очень и очень толковых наемных помощников, хотя каждый из собственников интеллектом особенно не блистал.

Блистали умом другие, тот, кто был вхож во властные круги, кто жирел возле них со своим скоропалительным бизнесом, кормился от них. Чтобы поднять бизнес, нужны три вещи. Во-первых, связи наверху, чтобы иметь гарантированные и большие заказы, чтобы быть, что называется, «в струе». Необязательно иметь госзаказы, можно кормиться вокруг инвесторов, которые все равно зависят от местных

чиновников, можно урвать свой кусок от большого и долгого строительства, скажем, завода в вашем регионе. Пусть на каких-нибудь бетонных работах или электромонтажных работах. Во-вторых, нужно иметь вверху людей, которые будут у тебя без боязни брать «откаты». Это твой входной билет в этом бизнесе, твоя гарантия, твоя индульгенция. А третье, что нужно иметь, – это беспринципный характер. Нужно уметь перешагивать через людей, не видеть их, а видеть только свою прибыль, видеть экономию. Если тебе трудно уволить человека, если тебе стыдно глядеть ему в глаза, потому что ты его увольняешь по причине того, что ты не справляешься с бизнесом, то ты не бизнесмен. А вот если ты их десятками и сотнями увольняешь в трудные для тебя периоды, то ты далеко пойдешь. Если ты можешь годами держать хороших специалистов на низких зарплатах, кормя их обещаниями, если ты угрожаешь им «волчьим билетом», когда они грозятся уйти от себя, то ты далеко пойдешь.

Думать на эту тему надоело, потому что в этом направлении ничего сделать не удастся никому и никогда. По крайней мере, в обозримом будущем. Царь Петр пытался в свое время. У него была настоящая власть, он мог, не особенно опасаясь санкций со стороны, безвинным головы рубить. Но и тот ничего не смог сделать с воровством на Руси. Правда, говорят, что до него было еще хуже.

Гуров обходил скелеты заброшенных парников, остатки стен птичников. Дважды встречал мужиков из местных и го-

ворил с ними. Один на тракторе вывозил очищенный кирпич из разобранной стены. Мужу было лет шестьдесят, и он помнил еще золотые времена этого хозяйства. Второй – молодой парень, который выкапывал и собирал металлолом. При довольно низких потребностях на этом можно было жить. И он явно жил.

Но ни один, ни второй ничего не знали о деловых людях, имевших в районе бывшего совхоза какое-то приличное дело. Ни посевов, ни птицеводства, ни скотоводства. Все запущено, заброшено. Единственное, что живет, – склады и бывшие механические мастерские. В первых хранят свой товар местные бизнесмены да теплится кое-какое полукустарное производство. Во-вторых вовсю работают станции технического обслуживания автомобилей. Создавалось впечатление, что данное ЗАО живет только с аренды остатков зданий совхоза. Бизнес!

Вечером, около шести часов, Гуров собрал своих помощников, объезжая условленные места. Нефедов захлеб стал рассказывать о том, как живут нынешние дачные кооперативы.

Гуров принимал отчеты прямо в машине, велел Кикину поставить ее у обочины, неподалеку от автобусной остановки.

– Сейчас, как я и предполагал, – блестя глазами, рассказывал Нефедов, – дачные участки можно разделить на два хорошо заметных простым глазом типа. Собственно, есть еще

один – тип брошенных и никому не интересных участков, но это к нашей задаче отношения не имеет.

– Зачем ты тогда о них упоминаешь? – спросил Гуров.

– А как вы поймете, что я обратил на них внимание? – парировал молодой лейтенант. – Анализ, он и в Африке анализ. Так вот, два интересных нам типа дачных участков. Первый – участки, которые используются людьми по старинке, по привычке, из простой необходимости возиться в земле. Там преобладают огороды, может, цветники. Заметны такие, где много высаживается клубники – это уже на продажу. Есть такие, где преобладает картошка – это для себя. А второй тип – это участки, которые используются для отдыха, это уже новое современное поколение дачников. Там газоны, «горки» из валунов, аккуратные дорожки, шезлонги, плетистые розы.

– А к чему ты это все нам рассказываешь? – опять спросил Гуров.

– Ну как же! Вам же типаж нужен, картинка. А она такова, что здесь большинство участков используется все-таки под посадку огородных растений. И люди эти, хозяева дач, друг друга хорошо знают, часто и с удовольствием общаются, обмениваются рассадой, мнениями, чем-нибудь еще. Это своя среда, понимаете, свой тесный мирок. И на фоне всего этого спрятать процесс выращивания конопли в больших объемах практически невозможно. Любой большой участок с нетипичными растениями неизбежно попал бы в поле зре-

ния массы обывателей, тем более большое количество теплиц или чего-то другого. Тут промышленное сельскохозяйственное производство не спрячешь.

– Долго и пространно, – сделал вывод Гуров. – Учись, Леша, быть лаконичным, короче формулировать свои выводы. Ну а в целом я тебя понял. Хорошо, что ты опираешься на закономерные факты, а не на голые домыслы. Теперь давай ты, Игорь.

Матурин усмехнулся тому, что ситуация напоминает проверку домашнего задания у школьников. Уж его, опытного опера, можно бы спросить и иначе. Не новичок!

– Обойти все было невозможно, потому что территория, выделенная мне, была слишком велика. Главное в другом. Лисья гора – место, с одной стороны, хорошее, потому что близко от города и тут высокая лесистость, но зато почва не очень хорошая, поэтому здесь относительно много дач, имеющих чисто рекреационный характер. Тут выращивание конопли тоже не спрячешь, хотя условия подходящие. Я немного пообщался с людьми и сделал некоторые выводы.

Здесь каждый живет своим миром, и дела соседей его не касаются. Здесь не общаются между собой, не заглядывают за заборы. А что касается участкового, то его работа равна практически нулю. Достаточно сказать, что многие и не знают о существовании участкового пункта. И еще один факт: здесь частенько обворовывают дачи. Специфика такова, что выносят то, что легко вынести и увезти максимум на легко-

вой машине. Не холодильники и газовые плиты, а магнитофоны, небольшие телевизоры, музыкальные центры, видеоплееры, компьютеры. Одним словом, бытовая техника.

– А потом продают через мастерские, – неожиданно поддакнул Кикин, с задумчивостью глядя вперед через лобовое стекло.

– Что-что? – повернулся Гуров к водителю.

– Через сервисные центры и мастерские по ремонту, – повторил сержант. – Не первый раз слышу. Приносят в ремонт технику, а им ставят бывшие в употреблении детали и узлы. Компьютеры дешевые на заказ собирают, для детей там, для игр, чтобы без наворотов.

– Между прочим, неплохая мысль, – согласился Матурин.

– Да, – кивнул Гуров. – А ты, Леша, учись у опытного оперативника. Ну а что касается моего участка, то там чистая «пустышка». Ни визуальный осмотр, ни работа с населением ничего не подтвердили. Разруха, бурьян, запустение на месте некогда процветающего хозяйства. Хотя там можно было бы развернуться овощеводам.

– Думаете переквалифицироваться и столицу покинуть? – усмехнулся Матурин.

– Нет, не о том я думаю. Значит, ты говоришь, что воруют на Лисьей горе? Компьютеры...

Глава 3

Делать выводы и менять ход операции Гуров сразу не стал. И не потому, что идея у него в голове не созрела, он не хотел без достаточной аргументации расхолаживать своих сотрудников. Нет ничего хуже, когда начальник мечется, меняет установки, даже собственное мнение. Начальник должен быть целеустремленным, верящим в успех предприятия. Он должен олицетворять продуманность операции до мелочей.

Но, по мнению Гурова, начальник должен быть еще и гибким, уметь вовремя уловить перспективное направление, «золотую жилу». Должен вовремя увидеть новый поворот в оперативной разработке, оценить его перспективность, вовремя перенацелить подчиненных. И он решил, придя домой к школьному другу, засесть за свой ноутбук и полазить в Интернете.

Однако сразу заняться своими делами ему не удалось. В кухне раздался грохот, и тут же взвизгнул женский голос. Гуров, разложившийся с ноутбуком в выделенной ему хозяевами комнате, подскочил как ужаленный. Бросившись на шум, он распахнул дверь и увидел расстроенную Татьяну, жалобно взирающую на страшный беспорядок на рабочем столе и повисшую над ним на одном дюбеле посудную полку.

– Я уж думал, что тут стреляют, – облегченно пошутил Гуров. – Не ушиблась?

– Нет, – покачала головой девушка. – И что же у меня все сегодня из рук валится? Прямо напасть какая-то.

– Ну, это бывает, – успокоил ее Гуров. – А посуда бьется к счастью.

– Вы думаете? – грустно улыбнулась Татьяна. – А к счастью будет, если полка совсем рухнет?

– Давай-ка мы с тобой ее снимем. – Лев с готовностью потер руки. – Я подержу, а ты посуду вынимай, пока она в самом деле не грохнулась. А потом подумаем, как ее снова повесить. Инструмент у отца в доме есть какой-нибудь?

– Есть, конечно, – закивала головой Татьяна. – А вы сможете полку повесить?

– Не вижу проблем! Снимем, установим причину несчастья и придумаем, как исправить положение.

– А вы не скажете маме?

– Маме? А-а... а почему от нее надо скрывать?

– Не хочется, чтобы она опять начала зудеть и папу пилить. Плохо повесил, все падает, дом рушится, а ему нет дела...

– Тебе отца жалко? – догадался Гуров.

– Жалко, Лев Иванович, – вздохнула Татьяна. – Я же не маленькая, понимаю. Хоть она меня и любит, а все равно ей тяжело. Ее сын погиб, а я живая. Вы же знаете, что Вероника Ивановна мне не мать. Она меня по-своему любит, но, как ни крути, а отец меня любит больше.

Полку удалось повесить без проблем. Всего-то и дел было,

что просверлить стенку под новый дюбель. Зато Татьяна выглядела практически счастливой. Разбитую посуду, которой оказалось не так уж и много, она сложила в мусорное ведро, пообещав сказать, что сама нечаянно разбила, а потом кинулась угощать Гурова чаем.

За чаем Гуров и решился задать девушке вопрос:

– Скажи, Танюшка, а почему у такой юной и красивой девушки нет парня? В жизни не поверю, что никто за тобой не ухаживает!

Она неопределенно дернула плечом и подняла на него невинные глаза.

– Да ухаживают, почему же... Не нравится никто.

– Рябые да кривые? – пошутил Гуров.

– Не кривые, – рассеянно ответила девушка. – Просто...

Понимаете, я люблю, когда человек – личность, когда он собой что-то представляет. А эти, так...

– Ухаживать не умеют? А как тебе хотелось, чтобы за тобой ухаживали?

– Да ну вас, Лев Иванович! – смутилась Татьяна. – Тоже тему нашли!

– А что, хорошая тема. Теплые вечера, пропахшие солнцем и травами, свежий бриз с Оки, парк и стихи вслух. Про Луну, про звезды, про чувства, которые переполняют юношескую грудь. А? Как?

– Здорово! – рассмеялась Татьяна. – Умеете вы представлять. Ваша жена, наверное, ужасно счастливая женщина.

– О-о! Не то слово! – тоже засмеялся Гуров.

Но смех у него получился не очень веселый. Он остро представил, как в ночи по парку бредет не влюбленная Татьяна, а Татьяна с бессмысленным взором, Татьяна, потерявшая вдруг память, перепуганная, заплаканная. А ведь с ней в такие моменты может случиться всякое. И не жестоко ли он повел себя, начав этот разговор? А почему жестоко, почему она должна чувствовать себя ущербной? Но ведь ущербная. И от этого смотреть на нее, такую милую и хорошенькую, вдвойне больнее. А еще больно думать о Юрке Калининне, который мучается и не видит выхода из этой беды.

Лев снова вернулся к себе в комнату и включил наконец ноутбук. Первое, что он увидел, – поступило новое сообщение на почту. Жена просила связаться с ней по скайпу. Через минуту они уже весело болтали. Маша рассказывала, как у них проходят гастроли, удивлялась, что муж в гостях у одноклассника и даже нисколько не выпил. Было понятно, что ей это приятно.

Гуров скуповато поведал о своей работе в Рязани и еще невнятное ответил на вопросы, как же его одноклассник поживает сейчас. Потом, когда они попрощались, Лев еще несколько часов не выходил из Интернета. Он просмотрел все криминальные новости, пытаясь соотнести со своим делом, а затем стал просматривать объявления. Их было много, и стало понятно, что таким путем далеко не уйдешь. Объявлений о продаже семян конопли было десятка два, и раз-

работка каждого канала потребует уйму времени. Ведь нужно определить истинный IP-адрес, установить личность продавца, провести оперативную разработку. Для этого не надо было ехать в Рязань, это можно было организовать и в Москве силами технических специалистов.

Послав капитана Матурина выбирать точки наблюдения, Гуров отправился искать участкового. С работником полиции он хотел поговорить сам. Однако участковый пункт был закрыт на большой навесной замок. Гуров посмотрел на часы. Половина девятого, и участковый вполне может быть у себя в управлении на утренней планерке. А может быть и на территории участка с обходом.

Присев на корточки, Лев присмотрелся к недавно выкрашенным ступеням перед дверью. Проведя пальцами по краске, он наклонился и увидел полосы на пыльной поверхности. Как минимум сегодня эту дверь никто не открывал, и на эти ступени никто ногой не наступал.

– Че, нету его? – послышалось за спиной.

Лев выпрямился и обернулся на голос. Перед ним стоял высокий худой мужчина лет шестидесяти. Типичный дачник, в бесформенных брюках и резиновых калошах на босу ногу. Старая вылинявшая спецовка распахнулась, открывая седые редкие волосы на худой груди с выпирающими ребрами. Глаз незнакомца Гуров не видел, потому что их скрывали темные старомодные очки. Такие аляповатые оправы

продавались в киосках лет тридцать назад.

– А что, редко бывает? – вопросом на вопрос ответил Гуров.

– Да толку от него, когда и бывает, – махнул рукой мужик. – Одно слово, Вайс!

– Почему Вайс?

– Потому что неуловимый, как разведчик. И фамилия его Васин. Вот и прозвали в народе. Жрет, пьет, а как придешь пожаловаться, так он тебе все уши прожужжит... – мужчина не договорил и снова махнул рукой.

Гуров подумал, что это, наверное, характерно для взаимоотношений участкового и дачников. Только и остается махнуть рукой на участкового, которому начхать на эти дачи, на воров.

– Так что, бесполезно? – поинтересовался Гуров.

– Если жаловаться, то лучше самим разобраться. А если вы по поводу кражи, то бесполезно.

– Часто крадут?

– Да только и слышишь, то на одной линии влезли, то на другой. То в нашем кооперативе, то в соседнем.

– А сторожа что же? На них управы нет?

– А что сторожа? Взвод держать денег не хватит, а двое они такую территорию обходят за два часа. Пока обернутся, тут дом разобрать можно, не то что окно или дверь выставить. С умом паразиты работают. А вы что, не из нашего кооператива? Что-то мне лицо ваше незнакомо.

– Я вообще не из кооператива. Хотел домишко присмотреть, тянет с возрастом летом на природу, на воздух. Вот и решил узнать, а как тут у вас дело с криминалом обстоит.

– Это вам надо не к Вайсу, а к председателю. Тот скрывать ничего не будет, а вообще-то, места здесь хорошие...

Гуров по дороге к даче председателя кооператива внимательно выслушал, какие тут хорошие места, как растет клубника и как плохо растут плодовые деревья. Потом они пили чай на веранде у пожилого грузного председателя, который в недалеком прошлом был директором школы. За чаем сыщик старательно подправлял разговор, чтобы тот не особенно удалялся от темы постоянных краж из дачных домиков.

Как выяснилось, лазали воры по дачам все же не так часто, пару раз в месяц на участке в четыреста домов. Гуров примерно прикинул возможный объем украденного в трех дачных кооперативах, потом примерное число подобных кооперативов вокруг города. У него получилось, что воры каждый день ездят на кражи как на работу. Это если говорить о кражах бытовой техники. Не факт, что это одни и те же, но потрепаться ребятишек стоило. Ведь не себе же в пользование они крадут технику. Явно сбывают потом, и явно в технике что-то смыслят.

Распрощавшись с председателем и старательно записав его телефон и номера участков, которые продаются прежними хозяевами, Гуров решил попытать счастья и вернулся к участковому пункту. Старый бревенчатый домик, в котором

этот пункт размещался, стоял на окраине, поэтому он увидел, что замка на двери нет, только тогда, когда вышел из переулочка и подошел к самому порогу. Внутри слышались шаги, покашливание, двигался по полу стул, звенело стекло. Наверное, стакана.

Лев решительно толкнул дверь и шагнул сначала в темные сени, а потом открыл обитую оцинкованным металлом вторую дверь. Перед его взором открылась картина пыльного запустения. Старый канцелярский стол, из тех, что когда-то обивали зеленым сукном, два старых деревянных стула и самодельная лавка у стены. Справа зеркало над железной раковиной с отбитой эмалью и ручкомойником. Пыльное окно, до половины закрытое газетами, старые, поблекшие бумажные обои на дощатых стенах.

Под стать этому унынию было и лицо молодого старшего лейтенанта, который в углу звенел какой-то посудой. Лицо было опухшим, глаза затекли и лихорадочно блестели. Участковый явно болел с похмелья и сейчас «поправлял здоровье». Причем появление человека за спиной его несколько не смутило. Хватив половину граненого стакана водки, старший лейтенант шумно вдохнул носом и смачно сгрыз мало-соленный огурчик из банки. Потом приложился к ней и отпил несколько глотков мутного рассола. И только потом, вытерев рот несвежим носовым платком, повернулся к визитеру и не очень приветливо спросил:

– Так, чего?

– Да вот хотел познакомиться с вами. Собираюсь на пенсию, думал тут участок купить, старость скоротать.

– А я чего? – мрачно усмехнулся старший лейтенант. – У меня там объявление на двери, да? Продаю дачные участки?

– Мне понятна ваша ирония, как и ваше состояние. Но вы по долгу службы ведь знаете криминогенную ситуацию и можете посоветовать.

– Че-е? – Участковый поднял на гостя нездоровый взгляд и презрительно скривился. – Состояние, криминогенную, посоветовать! Начитались умных слов и ходят тут.

– Почему же начитались и ходят? – спокойно возразил Гуров. – Это ваш профессиональный язык. И мой, кстати, тоже.

Старший лейтенант быстро вскинул голову и оценивающе смерил взглядом стоявшего перед ним человека.

– Вы кто? Полицейский, что ли? Местный?

– Не совсем, – подходя к столу и доставая из кармана удостоверение, ответил Гуров. – Я из Москвы, работаю в министерстве. Но есть мысль обосноваться потом здесь.

– Не, ну, садитесь, – пожал плечами участковый и кое-как выпрямился на своем стуле. Хмель начал его немного накрывать. – Че надо-то? Бандитов у нас тут нет, по ночам не грабят и не убивают. Тихий у нас район.

– А по дачам лазят? Я слышал, что постоянно вскрывают домики и тащат бытовую технику.

– Да ладно, – сморщился старший лейтенант, – что вы

обывателей слушаете? Они услышат, что где-то когда-то было, и давай высасывать из пальца. Кто тут чего тащит? Тут и тащить-то нечего.

– Ну не скажите, – покачал головой сыщик. – Ухоженные участки, цветники, розарии, бассейны, двух– и трехэтажные дома. Да у вас тут треть домов принадлежит людям с достатком выше среднего.

– Да ла-адно! – осклабился участковый.

– А ну, прекратите лыбиться! – грохнул Гуров кулаком по столу. – Перед вами старший по званию и по должности офицер. Почему вы несете службу в нетрезвом состоянии? Что за вид у вас, почему воротник рубашки грязный, почему форменные брюки не глажены?

– Да я... – Старший лейтенант от неожиданности подскокил на стуле, и его рука машинально дернулась к воротнику рубашки. – Я ночь на дежурстве провел, я дома еще не был. Может, и не должен здесь быть сейчас, а вот зашел. Между прочим, в нерабочее время занимаюсь служебными делами.

– Да? Первый раз слышу, что опохмелка – служебное дело. Сколько у вас заявлений о кражах за этот год?

– За этот... – Участковый достал грязный платок и вытер белый налет в углах губ, от чего Гуров брезгливо сморщился. – За этот – ни одного.

– Это вы ни одного не приняли! А обращались к вам сколько человек по фактам кражи из домиков?

– Ну, че там обращались... Я же говорю, что... там и за-

водить-то нечего, там всякие ситуации такие были. То соседи повздорили и друг на друга клепать начали, то... другие ситуации. Это наша специфика, между прочим. Вам там в министерстве не понять...

– Замолчите, вы! – рыкнул Гуров, смерив старшего лейтенанта гневным взглядом. – Я начинал работу простым опером и прошел все от самого низа до самого верха. Вы мне еще будете рассказывать о сложностях вашей службы. Работать надо!

– А я что, не работаю? – проворчал участковый и весь подобрался на стуле. – Тут, что ни день, сплошные склоки, драки, пьянки.

– Так, хватит! Можно подумать, что вы не знали специфики работы, когда шли сюда. И не первый день вы служите. Значит, так, Васин! – Участковый затравленно взглянул на московского полковника, поняв, что тот и фамилию его уже узнал. – Если не хотите, чтобы я вам устроил проблемы, с последующим увольнением по причине служебного несоответствия, то слушайте приказ! И необязательно рассказывать о нем своему начальству, иначе я им такого расскажу! Приказ следующий: к завтрашнему утру составить мне список всех дачников вашего кооператива, у кого за этот год произошли хищения из домиков. Список составить по форме: личные данные, домашние адреса, номера дачных участков, даты проникновения и списки похищенного. С индивидуальными особенностями! Понятно?

– Так точно, – сдавленным голосом ответил участковый. – А заявления собирать?

– Черт с тобой, не собирай! Соберешь потом, если я похищенное найду. Задним числом соберешь и придумаешь, почему вовремя заявления не было. Тебе же, дураку, плюсом пойдет. Если вопросов нет, то приступай. Завтра быть здесь в десять ноль-ноль со списком!

Матурин встретил Гурова у леса, где под деревьями стояла их машина. Сержант Кикин сидел на дереве, затерявшись в густой листве, и рассматривал дачный массив в бинокль.

– Ну что, Лев Иванович, есть идеи? – поинтересовался капитан.

Гуров удержался от комментариев. Матурин откровенно не доверял московскому полковнику, постоянно иронизировал, скептически усмехался, но выполнял все точно. Придаться к капитану было сложно, даже упрекнуть, что он работает без энтузиазма и инициативы, тоже было нельзя. Ладно, притрется, решил Лев. Я не красная девица, мне его любовь ни к чему. Я приехал делать за них их работу, и нечего мне тут демонстрировать, что я сошка маленькая и не от меня все это зависит. От всех зависит!

– Идея первая, – спокойно сказал он, заходя в холодок под раскидистую березку. – Завтра у нас будет список всех краж за первое полугодие в этом кооперативе. Что ты по этому поводу думаешь, Игорь?

– Если вы ждете похвалы, то хвалю, – хмыкнул капитан. –

А откуда данные?

– От участкового, – пропустил Гуров мимо ушей колкость. – Пришлось слегка надавить.

– Вам проще, – пожал плечами Матурин. – А вы уверены, что он не замешан в этих кражах? Я же так понимаю, что вы у него потребовали данные и по незарегистрированным кражам тоже? Может он одну-другую утаить, где как раз его дружки замешаны?

– Слушай, капитан, – задумчиво посмотрел на Матурина полковник. – А тебе не кажется, что с этим участковым должен был ты сам давно уже разобраться? И с кражами этими тоже. И с наркотиками, и с коноплей, и каналом ее сбыта отсюда во все стороны. Не находишь? Это ты старший опер ГУ-ВД, а не я. Или ты думаешь, что полковник Гуров с детства сидит в кабинете министерства? А может, думаешь, что на Гурова никто никогда не давил, что он со службы не увольнялся и не возвращался потом, что не стреляли в него, что свои же коллеги бандитам его не сдавали, когда он мешал? Или что я погоны полковника на рынке купил?

– Извините, Лев Иванович, – улыбнулся открытой обезоруживающей улыбкой Матурин. – Я не хотел вас обидеть.

– Не хотел? А зачем тогда этот тон, эта неуместная ирония?

– Понимаете, заело, – стал серьезным капитан. – Вы приехали, шашкой махнули, и все заработало. Все у вас легко и

просто получается. Нажали на начальство, и вам двух оперов дали. И не всяких, а кого вы велели. Заметьте, не попросили, а велели. И машину заместитель начальника вам свою служебную отдал. И участкового вы в момент к стенке прижали. А тут живешь, лямку тянешь, с начальством бодаешься, чтобы хоть что-то полезного сделать, чтобы за свои погоны стыдно не было...

– А ты уйди, если не можешь, если стыдно. Уйди и не мешай работать. А если остался, то бейся, как в рукопашной схватке, до последнего. Дослужись и ты до полковника, и у тебя все будет получаться легко и просто. А эти твои улыбочки, подначки совсем не дружеские, они ведь нашей с тобой работе не помогают, а только мешают. И лейтенанта молодого ты расхолаживаешь. Нравятся тебе мои возможности, так радуйся, пользуйся, пока можно работать на всю катушку!

– Лев Иванович, – рассмеялся Матурин, – ну, правда, извините. Я не хотел вас обидеть. Давайте забудем об этом разговоре.

– Ладно, закончили, – согласился Гуров. – А насчет участкового ты прав. Только я считаю, что он не имеет отношения к этим кражам. Может иметь, но не имеет. Во-первых, я не вчера родился, и меня ложными удивлениями провести сложно. А во-вторых, резона ему нет. Он пьющий, у него баба где-то неподалеку, да и работал он бы иначе на этом месте. Честно гонялся бы за другими преступниками, залетными, а своих бы оберегал. А он вообще ничего не делает, только

укрывает преступления. Нет, это конченный человек. Сейчас он меня боится, потому и сделает, что я велел, а потом... Или начнет работать, или уйдет.

– Ладно, поверю вашему опыту. Кстати, вон и Лешка идет. Мы нашли три точки наблюдения, с которых почти вся территория просматривается. Нужны аппаратура ночного видения и коммуникаторы для связи.

– Я предлагаю еще и Кикина с машиной укрыть на вероятном пути прибытия воров. Пусть сидит в засаде. Он сообщит о том, что кто-то ночью приехал, он же в случае чего, и дорогу перекроет, и преследование организует.

– Здравия желаю, – улыбнулся подошедший Нефедов и выжидающе посмотрел на Матурина.

– Давай докладывай, – кивнул капитан. – Я объяснил Льву Ивановичу наш план.

– А-а... ну вот! Дача недостроенная, но не брошенная. Хозяин у нее есть. Пройти на территорию участка проще простого, там с трех сторон ограждение нарушено. Я поднялся – с третьего этажа обзор южного сектора градусов девяносто.

– На глазах у всех ты туда заходил? – на всякий случай поинтересовался Гуров.

– Нет, с соседями, – засмеялся Нефедов. – Я же понимаю, нарисовался потенциальным покупателем участка, ходил, присматривался, расспрашивал, не продает ли кто участок с домом или недостроенным домом, как со светом и во-

дой, как с охраной.

Следующая ночь была первой ночью их дежурства. Гуров позвонил в ГУВД и попросил организовать для него оборудование и средства связи. Потом они съездили в город, чтобы переодеться в более подходящую одежду, и вернулись в дачный массив только к восьми вечера. Оба опера и Кикин получили табельное оружие. Гуров в такого рода командировках не расставался с любимым «вальтером». Он, естественно, никогда не оставлял оружие в гостиницах, да и дома у школьного друга оружие нельзя хранить. Мало ли.

До наступления полной темноты Гуров с оперативниками просидел в машине. Они обсуждали список, подготовленный участковым Васиным. В списке имелось восемь фамилий, в чьи дачные домики проникали воры в этом году. Васин честно признался, что обращений к нему было гораздо больше, но он не стал вносить в список случаи кражи старых лопат, дюралевого бака, двух алюминиевых тазов и двухметрового куска железнодорожного рельса. Таких мелочей было много, и в тех ситуациях в самом деле можно было подозревать соседей или других садоводов из этого же товарищества. Да и кражи цветного и черного лома не вписывались в концепцию Гурова. Ему были нужны другие.

– Смотрите, – показывал Гуров на листе бумаги, где набросал схему садоводческого кооператива. – Вот лес, вот он огибают территорию с двух сторон. Здесь поле, которое лежит между шоссе и нашей территорией. Это два километра

с лишним. Через лес ведут грунтовые дороги, но они слабо накатанные и никуда особенно не ведут. Конечно, по ним можно проехать сквозь весь лесной массив и выехать куда-то к деревням, но там, как мне сказали, есть места, непролазные для легковушек после последних дождей. Там трехосный грузовик нужен или трактор. Значит, отсюда они не приедут.

– Они могут вот отсюда приехать, – показал Нефедов пальцем на дорогу, которая шла между дачными участками и лесом. – Эта дорога огибает лес. Там она выходит на трассу, объезжая старый карьер, а здесь идет к заброшенным коровьим фермам. Накатана слабо. По ней только грибники городские ездят да трактора за дровами.

– Значит, надо отсюда их и ждать, – сказал Матурин. – Я бы через поле не поехал, потому что машину издалека видно. Даже если фары выключить, все равно могут случайные люди увидеть. В карьере, кстати, и спрятаться можно, если приспичит.

– Логично, – согласился Гуров. – Теперь смотрите по списку и по схеме. Все наши восемь адресов я пометил кружочками на схеме. Думаю, что в эти дома воры снова не полезут. Кого хоть раз обворовывали, тот учтет свои ошибки. А вот эти большие круги и овалы – участки, где сосредоточены дома людей с относительно высоким достатком. Я полагаю, что это потенциальные места краж, за которыми нам и следует наблюдать в первую очередь. Кстати, как вы дума-

ете, полезут воры, скажем, вот в этот угол, если они в этом году тут крали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.